

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет

На правах рукописи

Запальский Глеб Михайлович

ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ЕЕ ВОСПИТАННИКИ
(1825 – 1917 гг.)

Раздел 07.00.00 – Исторические науки
Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2007

Работа выполнена на кафедре истории России XIX – начала XX в. Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор

Владимир Александрович Федоров

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Аркадий Иванович Комиссаренко (РАГС)

кандидат исторических наук
Елена Борисовна Емченко (ИРИ РАН)

Ведущая организация: Воронежский государственный университет

Защита состоится «__» марта 2007 г. в 16.00 на заседании Диссертационного совета К-501.001.09 по отечественной истории при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов, аудитория 550.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А.М. Горького (МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан «__» января 2007 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Н.В. Козлова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В настоящее время в исторической науке явно заметен интерес к микроистории, в том числе к повседневной жизни определенной группы людей. Одним из объектов подобных исследований могут быть монашеские сообщества. Изучение монастырской культуры также приобрело большую востребованность в последнее время. Влияние духовенства, в частности черного, на историю и культуру России, на жизнь общества огромно. Это воздействие становится все более заметным и в наши дни. Одновременно с массовым возрождением монастырей пробуждается и интерес к их истории, наследию.

XIX и начало XX в. приходятся на синодальный период, время подчинения Церкви государству, секуляризации культуры. В это время с особой силой заявили о себе удаленные от мира монастыри, превратившиеся в духовные ориентиры для многих людей. Одним из наиболее влиятельных монастырей в России в XIX – начале XX в. стала Козельская Введенская Оптиная пустынь (Калужской губернии). Отличительной чертой монастыря в данный период являлась тесная связь с окружающим миром (под которым мы подразумеваем все пространство за пределами Оптиной пустыни, в том числе другие монастыри). В первую очередь, связь проявлялась в деятельности оптинских старцев, массовых паломничествах в Оптину, а также в ее контактах со многими крупными писателями, поэтами, философами. Определенное место в связях монастыря с внешним миром занимали его воспитанники – монахи и послушники Оптиной пустыни, которые в силу различных причин покинули ее, разъехавшись в самых разных направлениях.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является группа воспитанников Оптиной пустыни. Категорию воспитанников мы определяем по формальным признакам – принадлежности к братству Оптиной пустыни и факту выхода из монастыря (возвращение в мир, перемещение в другой монастырь и т.д.). Соответственно, в эту категорию не попадают светские люди, жившие при обители, и добровольные послушники (не входившие в братство). Предметом исследования является монастырская культура.

Хронологические рамки исследования соответствуют периоду расцвета Оптиной пустыни. Нижняя граница приходится на 1825 г. – начало длительного настоятельства в монастыре схиархимандрита Моисея (Путилова). Верхняя граница отмечена 1917 г., на который пришлись Февральская и Октябрьская революции и за которым последовало официальное закрытие пустыни и начало насильственного выселения монахов.

Степень научной разработки темы. История монастырей и монашества традиционно занимала важное место в отечественной историографии. Из наиболее значимых для нас общих работ укажем в первую очередь труды эмигрантского церковного историка И. К. Смолича

«Жизнь и учение старцев» (1936) и «Русское монашество. Возникновение, развитие и сущность (988-1917)» (1953)¹. Важной работой по тематике стала монография П.Н. Зырянова «Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX в.», увидевшая свет в 1999 г.² Также следует упомянуть статьи современных авторов В.А. Котельникова³, Т.В. Барсегян⁴, М.Ю. Нечаевой⁵, посвященные разработке понятия «монастырская культура», методов исследования монастырей и групп монашествующих.

Разнообразная литература непосредственно об Оптиной пустыни представляет собой огромный комплекс. Первые опыты изучения монастыря относились к 1840-м гг., авторами выступали в основном сами оптинские монахи. Затем литература об Оптиной пустыни становилась все более массовой и разнообразной, особенно много работ вышло в конце XIX и начале XX вв. После 1917 г. и закрытия обители ее изучение в России практически остановилось. Непрерывность историографии обеспечили труды эмигрантских авторов. Наконец, с конца 1980-х гг. в России одновременно с открытием Оптиной пустыни началось пробуждение интереса к ней. Однако в целом значительная часть литературы носит описательный характер и может быть полезна лишь для общего знакомства с монастырем.

Целесообразно представить литературу по тематическому принципу. Первую группу представляют жизнеописания 14 оптинских святых. В эту замкнутую группу вошли некоторые оптинские старцы, настоятели и другие авторитетные монахи, канонизированные в 2000 г. в составе Собора преподобных отцов и старцев, в Оптиной пустыни просиявших. Их подробные жизнеописания составили законченный цикл, они в основном составлялись учениками старцев и публиковались, как правило, вскоре после смерти старцев⁶. Лучшие из этих трудов принадлежат архимандриту Агапиту (Беловидову), автору наиболее полных биографий старцев иеросхимонахов Амвросия (Гренкова) и Макария (Иванова)⁷. Жизнеописания последних по времени оптинских святых вышли в свет в 1990-х гг.⁸ Их составители – современные исследователи, из которых

¹ Смолич И.К. Русское монашество. 988-1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997.

² Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX в. М., 1999.

³ Котельников В.А. Аскетизм как фактор развития культуры // Церковь и государство в русской православной и западной латинской традициях. СПб., 1996. С. 28-45.

⁴ Барсегян Т.В. О методологии изучения монастырской культуры // Материальная база сферы культуры. Монастыри – культурные центры Отечества. М., 1997. Вып. 2. С. 31-40.

⁵ Нечаева М.Ю. Просопография уральского монашества: Перспективы исследования // Судьба России: Прошлое, настоящее, будущее. Екатеринбург, 1995. С. 172-176.

⁶ См., например: [Климент (Зедергольм), иеромонах]. Жизнеописание игумена Антония. М., 1870; [Ювеналий (Половцов), архимандрит]. Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882; Жизнеописание старца Оптиной пустыни, иеросхимонаха Илариона. Калуга, 1897; [Агапит (Беловидов), архимандрит]. Очерк жизни настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Исаакия. М., 1899; Очерк жизни старца Оптиной пустыни, иеросхимонаха Иосифа. Шамордино, 1911; [Антоний (Медведев), иеросхимонах, Агапит (Беловидов), архимандрит]. Первый великий старец оптинский иеромонах Леонид (в схиме Лев). Шамордино, 1917.

⁷ Агапит (Беловидов), архимандрит. Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. 2 ч.; Он же. Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997.

⁸ См., например: Житие и поучения оптинского старца Анатолия (Зерцалова). М., 1994; Афанасьев В.В. Житие оптинского старца схиархимандрита Варсонофия. М., 1995; [Геннадий Беловолов, священник, Руденко М.]. Житие оптинского старца Анатолия (Потапова). М., 1995; [Мария (Добромыслова),

выделяется В.В. Афанасьев. Особенностью жизнеописаний стало совмещение церковных традиций житийной литературы и светских требований жанра биографии.

Жизнеописания других оптинских монахов и послушников составляют вторую группу в историографии. В отличие от предыдущей, она весьма велика и неравномерна. Немногие из насельников Оптиной пустыни удостоились специальных публикаций, некоторым из них посвящены короткие статьи в журналах или сборниках, единицам – монографии. Ряд портретов оптинских монахов встречается в многотомнике «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв.» (1906-1910), включившем биографии неканонизированных, но почитаемых подвижников. В 2006 г. вышел сборник «Оптинский патерик», составленный монахиней Иулианией (Самсоновой)⁹. В эту книгу вошло большое количество кратких биографий известных оптинских монахов. В главе «Окрыленные Оптиной» впервые в историографии была поставлена цель перечислить оптинских воспитанников и собрать сведения об их жизни. Всего упомянуто 49 воспитанников, лишь 11 из них посвящены относительно подробные биографии. Архивные данные составитель не привлекает, однако, несмотря на явную неполноту, этот опыт представляет интерес.

Некоторым выходцам из Оптиной посвящены отдельные публикации, причем «оптинская» тема присутствует практически во всех из них, даже если человек жил в обители совсем недолго. Из них следует выделить работы о Кавказском епископе Игнатии (Брянчанинове)¹⁰, архимандрите Пимене (Мясникове)¹¹, архимандрите Леониде (Кавелине)¹², Литовском архиепископе Ювеналии (Половцове)¹³, схиархимандрите Гаврииле (Зырянове)¹⁴, митрополите Трифоне (Туркестанове)¹⁵,

монахиня]. Житие оптинского старца Никона. М., 1996; [Борис (Холчев), архимандрит]. Житие оптинского старца Нектария. М., 1996; Афанасьев В.В. Житие священномученика архимандрита Исаакия. М., 1996.

⁹ Оптинский патерик / Сост. мон. Иулиания (Самсонова). Саратов, 2006.

¹⁰ Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками, и письма преосвященнейшего к близким ему лицам. СПб., 1881; Афанасьев В.В. Златокрылый Феникс. Монашеский подвиг святителя Игнатия (Брянчанинова). М., 2000; Шафранова О.И. Святитель Игнатий (Брянчанинов) и благословенная Оптина Пустынь // Игнатий (Брянчанинов), епископ. Странствие ко вратам вечности. Переписка с оптинскими старцами и П.П. Яковлевым, делопроизводителем свт. Игнатия. М., 2001. С. 3-53.

¹¹ Архимандрит Пимен. Биографический очерк настоятеля Свято-Николаевского Угрешского монастыря. Держинский, 1998.

¹² См., например: Дмитриевский А.А. Очерк о жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению православного Востока // Богословские труды. Сб. 36. М., 2001. С. 66-175; Марченко Н.В. Л.А. Кавелин и Оптина пустынь // Монастыри в жизни России. Калуга – Боровск, 1997. С. 236-247.

¹³ Половцов А.В. Страж Православия в Литве. Памяти Ювеналия, архиепископа Литовского и Виленского // Московские Ведомости. 1904. № 109, 114, 117, 120, 124, 129, 135, 142, 155, 163.

¹⁴ Варнава (Беляев), епископ. Тернистым путем к небу (Per aspera ad astra). О многоплачевной и зело поучительной подвижнической во Христе жизни старца Седмиезерной и Спасо-Елеазаровой пустынь схиархимандрита о. Гавриила. М., 1996; Симеон (Холмогоров), архимандрит. Един от древних. Схиархимандрит Гавриил, старец Спасо-Елеазаровой пустыни. Жизнеописание. Творения. Письма. М., 2001.

архимандрите Георгии (Лаврове)¹⁶, схиархимандрите Севастиане (Фомине)¹⁷, схиархимандрите Амвросии (Иванове)¹⁸. Отметим, что большинство из этих людей были канонизированы, поэтому жизнеописания близки к агиографическому жанру.

В отдельную историографическую группу входят исторические описания Оптиной пустыни. Первым опытом является труд архимандрита Леонида (Кавелина), увидевший свет в 1847 г. (третье, наиболее полное издание вышло в 1876 г.)¹⁹. Автор стал одним из создателей классических монастырских описаний, опирающихся на данные местных архивов. Материал он излагает в хронологическом порядке (по периодам), в отдельные главы выделены сюжеты о настоятелях обители, некоторых замечательных монахах и др. Помимо этого архимандрит Леонид описал историю скита святого Иоанна Предтечи²⁰. Автором второго исторического описания обители стал в 1902 г. оптинский иеромонах Ераст (Вытропский)²¹, который объединил описания монастыря и скита и более подробно проработал вторую половину XIX в.

После 1917 г. исторические описания Оптиной создали еще два автора: протоиерей Сергей Четвериков²² и И.М. Концевич²³. Концевич составлял свой труд «Оптина Пустынь и ее время» в течение нескольких десятилетий, представленные сведения по объему значительно превосходили предыдущие описания Оптиной (они доведены до времени закрытия монастыря), но работа не была закончена.

Особо выделим сочинения, в которых рассматривается феномен Оптиной пустыни, старчества, интересовавший многих исследователей с XIX в. Наиболее оригинальные интерпретации содержатся в работе «Древнехристианские и оптинские старцы», написанной иеромонахом Трифоном (Туркестановым) в Московской духовной академии (1895)²⁴, сборнике В.В. Розанова «Около церковных стен»²⁵, книге эмигрантского богослова В.Н. Лосского «La paternité spirituelle en Russie aux XVIII-ème et XIX-ème siècles» (1977)²⁶, статьях Н.А. Павлович «Оптина пустынь.

¹⁵ Митрополит Трифон (Туркестанов). Проповеди и молитвы. Материалы к жизнеописанию. М., 1999; Афанасьев В.В. Пустынник на миру. Митрополит Трифон (Туркестанов). 1861-1934 // Литературная учеба. 1995. Кн. 1. С. 132-191.

¹⁶ Житие преподобноисповедника Георгия, Даниловского чудотворца. М., 2001.

¹⁷ Королева В.В. Карагандинский старец преподобный Севастиан. М., 1998.

¹⁸ Свет Оптиной: Жизнеописание подвижника XX века Калужского старца Амвросия (Иванова Василия Федоровича). Калуга, 1998; Грачева Н. Преподобный Старец Амвросий Балабановский. Преемник по имени и духу преподобного Амвросия Оптинского. 1879-1978. М., 2000.

¹⁹ [Леонид (Кавелин), архимандрит]. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1876.

²⁰ Он же. Историческое описание скита во имя св. Иоанна Предтечи Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни. СПб., 1862.

²¹ [Ераст (Вытропский), иеромонах]. Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Сергиев Посад, 1902.

²² Четвериков С., протоиерей. Оптиная Пустынь. Париж, 1988.

²³ Концевич И.М. Оптиная Пустынь и ее время. Сергиев Посад, 1995.

²⁴ Трифон (Туркестанов), митрополит. Древнехристианские и оптинские старцы. М., 1996.

²⁵ Розанов В.В. Собрание сочинений. Около церковных стен. М., 1995. 2 т.

²⁶ Lossky V., Arseniev N. La paternité spirituelle en Russie aux XVIII-ème et XIX-ème siècles. Bégrolles (Maine & Loire), 1977.

Почему туда ездили великие?» (1980)²⁷ и И.С. Гуткиной «Оптина пустынь как мифообразующий топос в русской культуре XIX в.» (1994)²⁸. Отметим также сборник, изданный по материалам международного симпозиума «Оптина пустынь: монастырь и русская культура», прошедшего в 1990 г. в Бергамо (Италия)²⁹.

В последнюю группу исследований вошли публикации о связях Оптиной пустыни с другими монастырями и конкретными людьми. Нас интересуют прежде всего исторические описания монастырей, с которыми у Оптиной через ее воспитанников установились прочные связи³⁰. Большинство из них было составлено архимандритом Леонидом (Кавелиным)³¹. Несколько интересных статей посвящено более узким вопросам связей между обителями³². Имеют значение для нашей темы и работы, посвященные связям Оптиной пустыни с конкретными людьми, прежде всего деятелями культуры. Досконально изучена роль обители в творчестве и мировоззрении И.В. Киреевского, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Из многочисленных работ на эту тему можно назвать публикацию Д.П. Богданова «Оптина пустынь и паломничество в нее русских писателей» (1910)³³, статьи современных авторов В.А. Котельникова³⁴, В.А. Воропаева о Н.В. Гоголе³⁵, В.В. Афанасьева о Киреевских³⁶, А.Н. Стрижева о С.А. Нилусе³⁷ и др. Проблемы литературных связей поднимаются и в англоязычной литературе Дж. Данлопом, Л. Стантоном и др.³⁸

²⁷ Павлович Н.А. Оптиная пустынь. Почему туда ездили великие? // Прометей: Ист.-биограф. альманах сер. «Жизнь замечательных людей». М., 1980. Т. 12. С. 84-91.

²⁸ Гуткина И.С. Оптиная пустынь как мифообразующий топос в русской культуре XIX в. // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1994. Т. 1. № 1. С. 60-92.

²⁹ Оптиная пустынь: монастырь и русская культура. М., 1993. Вып. 1.

³⁰ См., напр.: Исторический очерк Николаевского-Угрешского общежительного мужского монастыря. М., 1872; Гефсиманский скит и пещеры при нем. Сергиев Посад, 1899; Извеков М.С. Перемышльский Троицкий Лютиков монастырь, его святыни и древности // Калужская старина. Калуга, 1902. Т. 2. Кн. 1. 1 паг. С. 1-32.

³¹ [Леонид (Кавелин), иеромонах]. Историческое описание Тихоновой Калужской пустыни. СПб., 1862; Он же. Историческое описание Мещовского Георгиевского мужского общежительного монастыря. М., 1870; Он же. Описание Лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря. М., 1876; Он же. Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. М., 1898; Он же. Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. М., 1903.

³² Московский Данилов монастырь и Оптиная пустынь (Из истории духовных связей) // Даниловский благовестник. 1992. № 2-3 (Ч. 1). С. 59-64; Ведерникова Н. Шамординский монастырь в народной культуре // Живая культура российской провинции. Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки. М., 1999. С. 38-56.

³³ Богданов Д.П. Оптиная пустынь и паломничество в нее русских писателей // Исторический вестник. 1910. № 10.

³⁴ Котельников В.А. Оптиная пустынь и русская литература // Русская литература. 1989. № 1. С. 61-86.

³⁵ См.: Воропаев В.А. Духом схимник сокрушенный...: Жизнь и творчество Н.В. Гоголя в свете православия. М., 1994.

³⁶ Афанасьев В.В. Супруги Киреевские в их отношении к Оптиной Пустыни (Одна из забытых страниц русской культуры) // Литературная учеба. 1996. Кн. 3. С. 188-216.

³⁷ Стрижев А.Н. Пристань Духа Святого. Сергей Нилус в Оптиной пустыни // Там же. Кн. 2. С. 154-182.

³⁸ Dunlop J.B. Staretz Amvrosy: Model for Dostoevsky's Staretz Zossima. Belmont, Mass., 1972; Stanton L.J. The Optina Pustyn Monastery in the Russian Literary Imagination: Iconic Vision in Works by Dostoevsky, Gogol, Tolstoy, and Others. N.Y., 1995.

Источниковая база. В основу исследования положены, в первую очередь, документы из архива Оптиной пустыни, размещенного в фондах 213 (собственно архив) и 214 (собрание рукописей) Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Кроме того, мы пользовались документами из фондов Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА), Центрального исторического архива г. Москвы (далее – ЦИАМ), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ) и Государственного архива Российской Федерации (далее – ГА РФ), а также большим количеством опубликованных материалов. Поработать в Государственном архиве Калужской области не удалось, так как он закрыт из-за аварийного состояния здания, однако фонд Оптиной пустыни (Ф. 903) в этом архиве достаточно скромный по объему. Весь массив источников можно систематизировать по традиционным видам: законодательные акты, делопроизводственные материалы, источники личного характера, периодическая печать. Помимо этого необходимо выделить летописные материалы.

Законодательные акты определяли правовой статус монастыря и его насельников, оговаривали порядок перемещения монахов между монастырями, назначения на должности и т.д. Эти материалы собраны и опубликованы в различных сводах и сборниках³⁹.

Другую группу источников составляют делопроизводственные материалы. Ключевой массовой делопроизводственный источник – формулярные списки монахов и послушников Оптиной пустыни, охватывающие промежуток с 1802 по 1906 гг.⁴⁰ Списки составлялись в монастыре ежегодно и учитывали всех насельников на момент записи, перечисляли основные сведения об их жизни. Формулярные списки за период с 1907 г. не сохранились. Отчасти они дополняются данными «Таблицы переписи населения» Оптиной пустыни за март-апрель 1918 г., обширных списков послушников и рясофорных монахов, взятых в армию во время первой мировой войны и не вернувшихся⁴¹, а также списка лиц, живущих в зданиях музея «Оптина пустынь» (1921)⁴², из ОПИ ГИМ, в котором хранится фонд этого музея.

³⁹ Барсов Т.В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. СПб., 1885. Т. 1; Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721-1901 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания. СПб., 1902; Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о монастырях и монашествующих от 31 августа (13 сентября) 1918 г. Основные статьи общего положения // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1918. Вып. 4. С. 31-43.

⁴⁰ Формулярные списки монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной пустыни. 1802-1906 гг. // ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1, 3.

⁴¹ Документы, связанные с жизнью и деятельностью Козельской Введенской Оптиной пустыни в 1917-1919 гг. // Там же. К. 4. Ед. хр. 4. Л. 89-90 об., 93-99 об.

⁴² Музей «Оптина пустынь». Дело руководящих и переходящих из года в год документов. 1918-1926 гг. // ОПИ ГИМ. Ф. 521. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 76-86.

Прослеживая судьбы некоторых монахов, вышедших из Оптиной пустыни, мы работали с делопроизводственной документацией других монастырей: в РГАДА – Троице-Сергиевой лавры (Ф. 1204), Николо-Угрешского монастыря (Ф. 1205), Боровского Пафнутьева, Малоярославецкого Черноостровского монастырей и Сергиева скита при Тихоновой пустыни (Ф. 1198), в ЦИАМ – Московского Симонова монастыря (Ф. 420).

Отдельно следует упомянуть делопроизводственные материалы органов церковного управления. В ОР РГБ можно обнаружить указы Калужской духовной консистории о перемещении монахов из монастыря в монастырь (в пределах Калужской губернии), исключении из братства и т.д. за 1880-1899 гг.⁴³ Интерес представляют отдельные документы Святейшего Синода, например циркулярный указ от 12 июля 1910 г. «О развитии старчества»⁴⁴, который непосредственно касался Оптиной пустыни и свидетельствовал о ее значительном влиянии в Церкви. Кроме того, мы изучали документацию Всероссийского съезда монашествующих 1909 г.⁴⁵ и Поместного Собора 1917-1918 гг.⁴⁶, на которых присутствовали представители Оптиной пустыни.

К летописным материалам относится летопись скита святого Иоанна Предтечи⁴⁷, хранящаяся в ОР РГБ. Она является одним из ценнейших источников по нашей теме. Летопись велась в скиту по благословению и под непосредственным наблюдением настоятелей и старцев разными авторами в форме регулярной записи происходящих событий. Источник охватывает время с 1820 по 1918 гг., то есть весь интересующий нас период, но не лишен крупных временных лакун (1861-1864, 1883-1899). Дополнительную информацию о насельниках Оптиной пустыни дают описания монастырских некрополей⁴⁸.

Особое значение имеют источники личного характера. Некоторые оптинские монахи и послушники оставили дневники и воспоминания, которые зачастую не были опубликованы или издавались с сокращениями. В работе использовались «Путевые записки утлой ладьи по бурному житейскому морю» послушника Семена Хрущова⁴⁹, «Воспоминания» архимандрита Пимена (Мясникова)⁵⁰, автобиографическое

⁴³ Указы Калужской духовной консистории (об определении в братство, перемещениях, наградах увольнении послушников на прежние должности и т.д.). 1880-1899 гг. // ОР РГБ. Ф. 213. К. 2. Ед. хр. 20; К. 3. Ед. хр. 1.

⁴⁴ Циркулярный указ Святейшего Синода № 19 от 12 июля 1910 г. // ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 372. Л. 4-6.

⁴⁵ Протоколы заседаний съезда монашествующих в Троице-Сергиевой лавре. 1909 г. // ОР РГБ. Ф. 765. К. 4. Ед. хр. 7; см. также: Серафим [(Кузнецов)], иеромонах. Первый Всероссийский съезд монашествующих 1909 г. Воспоминания участника. М., 1999.

⁴⁶ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. М., 1994-2000. Т. 1-11; Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1917-1918. Вып. 1-4.

⁴⁷ Летопись скита Оптиной пустыни. 1820-1918 гг. // ОР РГБ. Ф. 214. Опт.-359-368.

⁴⁸ Памятная запись о скончавшихся в Козельской Введенской Оптиной пустыни. 1768-1894 гг. // Там же. Опт.-350; Скитское кладбище в Оптиной пустыни. 1826-1918 гг. // Там же. Опт.-352; Жизнеописания почивших скитян // Неизвестная Оптина. СПб., 1998. С. 315-552.

⁴⁹ Семен Хрущов, послушник. Путевые записки утлой ладьи по бурному житейскому морю // ОР РГБ. Ф. 214. Опт.-406. 3 кн.

⁵⁰ Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. М., 1877.

«Жизнеописание» архимандрита Леонтия (Желяева)⁵¹, разрозненные записки игумена Феодосия (Попова)⁵², иеросхимонаха Антония (Медведева)⁵³, дневник послушника Николая Беляева (будущего старца иеромонаха Никона) за 1907-1910 гг.⁵⁴, воспоминания его брата Ивана Беляева⁵⁵. К воспоминаниям примыкают некоторые отрывки из сочинений Кавказского епископа Игнатия (Брянчанинова), посвященные Оптиной пустыни⁵⁶, а также «Келейные записки»⁵⁷ послушника Павла Плиханкова (будущего старца иеросхимонаха Варсонофия). Среди мемуаров паломников выделим книгу известного писателя А.Н. Муравьева «Святые горы и Оптина пустынь»⁵⁸, воспоминания Саратовского митрополита Вениамина (Федченкова) «Из того мира»⁵⁹, а также две книги записок С.А. Нилуса «На берегу Божьей реки»⁶⁰.

Переписка оптинских воспитанников, насельников монастыря и светских лиц представляет для нас один из основных источников. Прежде всего отметим письма оптинских старцев своим ученикам из других монастырей и светским духовным детям и почитателям, которые активно издавались как до 1917 г.⁶¹, так и начиная с 1990-х гг.⁶² Широко издано также письменное наследие оптинского питомца Кавказского епископа Игнатия (Брянчанинова)⁶³. Если говорить о прочих насельниках и воспитанниках Оптиной пустыни, то крупнейший массив их переписки хранится в ОР РГБ (Ф. 213). Особенно обширно представлены письма бывших оптинских насельников к настоятелям архимандритам Моисею (Путилову) и Исаакию (Антимонову), а также к старцам иеросхимонахам Макарию (Иванову) и Амвросию (Гренкову). Детальное изучение писем

⁵¹ Леонтий [(Желяев)], архимандрит. Жизнеописание // ОР РГБ. Ф. 214. Опт.-288.

⁵² Феодосий (Попов), игумен. Автобиография. 1903 г. // Там же. Опт.-314; Он же. Очерки из путевых в жизни впечатлений // Там же. Опт.-315; Он же. Прибавления к запискам «Путевые впечатления» // Там же. Опт.-316; Он же. Дневные записки, или черты для будущей биографии // Там же. Опт.-317.

⁵³ [Антоний (Медведев), иеросхимонах]. Воспоминания душевных впечатлений при поклонении святыни на Востоке. М., 1880; Посмертные записки иеросхимонаха Киево-Печерской лавры отца Антония. М., 1881.

⁵⁴ Дневник последнего старца Оптиной пустыни иеромонаха Никона (Беляева). СПб., 1994.

⁵⁵ Воспоминания И.М. Беляева // Преподобный Никон Оптинский. Жизнеописание и духовные наставления. М., 1998. С. 423-522.

⁵⁶ См.: Игнатий (Брянчанинов), епископ. Собрание сочинений. М., 2001. Т. 1. Аскетические опыты. С. 550-552, 656; Т. 5. Приношение современному монашеству. С. 63-64.

⁵⁷ Варсонофий [(Плиханков)], игумен. Келейные записки // ОР РГБ. Ф. 214. Опт.-319.

⁵⁸ [Муравьев А.Н.] Святые горы и Оптина пустынь. СПб., 1852.

⁵⁹ Вениамин (Федченков), митрополит. Из того мира. Книга чудес и знамений нашего времени. М., 1996.

⁶⁰ Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Сергиев Посад, 1916. Ч. 1; Сан-Франциско, 1969. Ч. 2.

⁶¹ См., напр.: Письма к разным лицам игумена Антония, бывшего настоятеля Мало-Ярославецкого Николаевского монастыря. М., 1860; Собрание писем блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1862. Письма к монашествующим. Отделение первое, второе; Письма к мирским особам; Собрание писем и статей оптинского старца, иеросхимонаха Амвросия. М., 1894-1897. Вып. 1-2; Собрание писем преподобного оптинского старца скитоначальника иеросхимонаха Анатолия (Зерцалова). М., 1909.

⁶² См., напр.: Письма оптинского старца Иосифа // Житие оптинского старца Иосифа. М., 1993. С. 235-283; Письма преподобного Никона к духовным чадам // Преподобный Никон Оптинский. Жизнеописание и духовные наставления. М., 1998. С. 166-412; Письма преподобного оптинского старца иеросхимонаха Илариона. Подольск, 1998; Письма оптинского старца Льва к монаху Иоанникию (Бочарову). Можайск, 2002.

⁶³ Собрание писем святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского и Черноморского. М.-СПб., 1995; Игнатий (Брянчанинов), епископ. Странствие ко вратам вечности...

позволило исправить ряд ошибок, возникших при каталогизации архива Оптиной пустыни, в основном они связаны с неправильной атрибуцией авторов писем.

Интересные отзывы можно найти в письмах посетителей Оптиной пустыни: И.С. Аксакова⁶⁴, Н.В. Гоголя⁶⁵, священника Павла Флоренского⁶⁶. Нельзя пройти мимо «писем о значении Оптиной пустыни», присланных различными людьми в музей «Оптина пустынь» в 1921 г. с целью поддержать музей и воспрепятствовать его возможному закрытию (хранятся в ОПИ ГИМ)⁶⁷.

Из использованных периодических изданий следует упомянуть журналы «Церковные ведомости», «Душеполезное чтение», «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», а также местную периодику: журнал «Калужские епархиальные ведомости» (с 1907 г. его сменил «Калужский церковно-общественный вестник») и газету «Калужские губернские ведомости».

Цели и задачи исследования. Основной целью исследования является всестороннее изучение группы воспитанников Оптиной пустыни в 1825-1917 гг. Для достижения этой цели необходимо решить ряд задач. Во-первых, рассмотреть все братство Оптиной пустыни как систему, тесно связанную с окружающим миром, выявить элементы этой системы, установить главные из них и определить место в системе оптинских воспитанников. Во-вторых, изучить состав этой группы по социальному происхождению, регионам, из которых приехали монашествующие, возрасту, сану или степени пострига и другим критериям. В-третьих, проследить динамику выхода из Оптиной пустыни. В-четвертых, выяснить, куда уходили монахи и послушники, оценить географический разброс их служения, сферы деятельности, которой они занимались. В-пятых, узнать, от кого исходила инициатива перемещения: от самих монашествующих или от церковного руководства. В-шестых, изучить самосознание оптинских воспитанников, определить, что их объединяло, ощущали ли они свою причастность к единому монашескому сообществу, поддерживали ли контакты между собой и с родной обителью. В-седьмых, выяснить, как их воспринимало общество, а также монахи и послушники, оставшиеся в Оптиной пустыни.

Методология исследования. Основным в исследовании является историко-системный метод. Мы рассматриваем братство Оптиной пустыни и его связи с внешним миром как совокупность взаимосвязанных элементов, то есть как систему. Разбираются элементы этой системы,

⁶⁴ Аксаков И.С. Письмо к С.Т. Аксакову от 20 августа 1846 г. // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. С. 363-366.

⁶⁵ Гоголь Н.В. Письмо к иеромонаху Филарету от 19 июня 1850 г. // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. М., 1952. Т. 14. С. 191; Он же. Письмо к А.П. Толстому от 10 июля 1850 г. // Там же. С. 194-195.

⁶⁶ Флоренский П.А., священник. Письмо к Н.П. Киселеву от 9 мая 1919 г. // Флоренский П.А., священник. Сочинения. В 4 т. М., 1999. Т. 2. С. 411-413.

⁶⁷ Письма о значении Оптиной пустыни. 1921 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 521. Оп. 1. Ед. хр. 35.

выделяются ключевые из них, прослеживается взаимодействие различных элементов. Кроме того, мы применяем просопографический метод, позволяющий создать «коллективный портрет» большой группы людей, реконструировать биографии отдельных личностей. В результате работы с источниками была создана база данных, отразившая сведения обо всех воспитанниках Оптиной пустыни, выявленных нами за изучаемый период. Мы выделили различные критерии для их характеристики (социальное происхождение, сан или степень пострига, возраст, год выхода из монастыря, место, куда переходил монашествующий, и т.д.). Затем был проведен анализ базы данных (с применением количественных методов), позволивший определить состав и распределение воспитанников. При этом сообщество монашествующих рассматривается как во всей совокупности, так и в динамическом развитии.

В работе применяются как социальный, так и культурный подходы к изучению истории. В первом случае речь идет о широком социальном анализе группы людей, изучении их мобильности. Во втором случае рассматривается повседневная жизнь монахов и послушников, их самосознание, взгляды, мотивации, их взаимоотношения между собой.

Научная новизна исследования заключается в том, что системного изучения группы выходцев из какого-либо монастыря до сих пор не существует. Впервые создан обобщающий труд о воспитанниках Оптиной пустыни. Кроме того, наше исследование является одним из первых опытов комплексного исследования какой-либо большой группы монашествующих. Отметим и новизну просопографического метода, который редко применяется к этой тематике. Наконец, в работе вводится в научный оборот большое количество неопубликованных источников из нескольких архивов.

Практическая значимость исследования. Собранные в диссертации материалы могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории религии и Церкви и, в частности, монастырей XIX – начала XX в., а также при подготовке лекционных курсов и при создании пособий по истории России данного периода. Массовые биографические данные позволяют использовать их для написания биографий конкретных людей. Кроме того, эти сведения помогают уточнить данные, содержащиеся в литературе, исправить ошибки, встречающиеся в описаниях архивных фондов и т.п.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XIX – начала XX в. Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Основные положения диссертации отражены в шести публикациях автора.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка источников и литературы и Приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, дается характеристика источников и историографии, формулируется цель и задачи диссертации

Первая глава – «Монастырская культура и внешний мир» – носит наиболее общий характер и дает целостный взгляд на братство Оптиной пустыни в широком общественном, церковном и политическом контексте.

Монастырская культура представляет собой систему взаимосвязей: духовных (связанных с религией), социальных, экономических, культурных. Как и любая другая культура, монастырская существует в определенных, присущих только ей рамках. Этими рамками служат основные монашеские обеты: послушание, целомудрие и нестяжание. Монах – это, в первую очередь, не тот, кто живет в монастыре, а тот, кто исполняет обеты. Сами монастырские стены также являются рамками для данной культуры, но не столь непреодолимыми. Монастырская культура тесно связана с внешним миром, между ними существует система связей, которая, впрочем, зависит от конкретной обители. В случае с Оптиной пустыней такие связи были предельно насыщенными. Мы рассматриваем группу оптинских воспитанников как часть братства Оптиной и как элемент системы связей монастыря с окружающим миром.

Ключевым элементом монашеского сообщества данной обители было старчество, традиция духовного наставничества, основанная на добровольном и всецелом подчинении воли авторитетному опытному монаху, открытии ему своих помыслов. Оптина стала одним из центров возрожденного в конце XVIII в. старчества, причем здесь оно было ориентировано как на оптинских монахов и послушников, так и на внешний мир. Первый старец – иеросхимонах Лев (Наголкин) – пришел в Оптину пустынь в 1829 г., а апогея старчество достигло при иеросхимонахе Амвросии (Гренкове) в 1860-х – 1880-х гг. Большую роль сыграло создание в 1821 г. рядом с монастырем скита святого Иоанна Предтечи, где постепенно концентрировалось избранное, «элитарное» скитское братство. Обращают на себя внимание различия в самосознании насельников скита и монастыря, отразившиеся, в частности, в самоназваниях «скитяне» и «монастырские». Возникали (особенно в первые десятилетия существования скита) и серьезные противоречия между двумя сообществами, однако во взаимоотношениях с внешним миром они были незаметны. Уединенный скит, в котором пребывали и старцы, стал своего рода монастырем в монастыре и оказывал влияние на атмосферу всей Оптиной пустыни.

Братство формировалось в условиях действия строгого общежительного устава Коневского Рождественского монастыря, введенного в 1824 г. С другой стороны, братство было открытым для людей всех сословий, в т.ч. для дворян, которые были широко представлены в его составе с 1840-х гг., когда старцем был иеромонах

Макарий (Иванов), в миру дворянин. Именно благодаря этому старцу и другим образованным монахам при Оптиной пустыни с 1840-х гг. стала активно развиваться просветительская деятельность, осуществлялись перевод и издание трудов отцов Церкви, что было очень востребовано в обществе того времени. Вообще можно говорить о «народности» Оптиной пустыни, универсальности ее братства с точки зрения социального происхождения. Важной чертой было уникальное сочетание ярких личностей среди монахов, в т.ч. старцев и настоятелей обители. Немало выдающихся людей было и в числе оптинских воспитанников.

Почти все перечисленные характерные черты братства стали возникать и развиваться именно в изучаемый нами период, с 1820-х гг. и позднее. И все они в той или иной степени были ориентированы на внешний мир, способствовали не изолированности братства, а его активным контактам с окружающим пространством.

Этот интерес не только к келейной жизни, но и к событиям, происходящим за монастырской оградой, был характерен для оптинского братства. Монахи Оптиной пустыни интересовались и событиями церковной и политической истории, о чем можно судить по летописи скита, в которой упоминались войны, революции, крупные политические реформы. Многие из монахов обладали выраженным патриотическим и монархическим мировоззрением. Они смотрели на Россию как на христианское государство во главе с монархом-помазанником и в этом видели ее уникальность. К императорам они относились с преклонением, ценили их за мудрую и твердую политику в сочетании с глубокой религиозностью (наибольшие симпатии достались Александру III, которому монахи в 1890 г. преподнесли трогательный подарок в виде нескольких рыбин, отловленных на реке Жиздре). Искренний патриотизм проявлялся у насельников Оптиной во время войн, которые вела Россия, они переживали за их исход, занимались благотворительностью. А падение самодержавия и период правления Временного правительства воспринимались монахами как эпоха «безгосударственной» России или даже как конец истории и приход апокалипсических времен. На этом фоне события Октябрьской революции прошли практически незамеченными.

Одновременно развивался и обратный интерес: к Оптиной пустыни со стороны самых разных слоев общества. Он проявлялся в массовых паломничествах в монастырь, контактах с Оптиной пустыней церковных иерархов, членов императорской фамилии, писателей, поэтов, философов и огромного количества рядовых паломников.

Все элементы монастырской культуры в совокупности создавали качественно новые явления. К началу XX в. сформировалась репутация Оптиной пустыни как одного из духовных центров России. Ее влияние и известность стали всеобъемлющими на территории Калужской и соседних губерний, в сознании жителей этого региона она превратилась в местную легенду. Авторитет Оптиной простирался и шире, самые разные люди ставили ее в число лучших монастырей России и в то же время противопоставляли монастырских пустынников официальной бюрократии

Церкви, Синоду. Опыт монастыря оказался востребованным и на высшем церковном уровне. Отдельные реформы в Церкви, проводимые со второй половины XIX в., явно ориентировались на Оптину пустынь как на один из успешных образцов. Это было заметно и по самим мероприятиям (расширение круга общежительных монастырей, развитие старчества, издательской деятельности при монастырях), и по их обсуждению на церковных съездах, Поместном Соборе 1917-1918 гг.

В этой системе интенсивных взаимоотношений монастырской культуры и внешнего мира отдельное важное место занимала деятельность оптинских воспитанников.

Во **второй главе** – «Состав и распределение оптинских воспитанников» – всесторонне рассматривается состав этой группы, направления деятельности выходцев из Оптиной пустыни.

В результате анализа формулярных списков оптинских монахов и послушников за 1825-1906 гг. и множества других источников из нескольких архивов была создана база данных, отразившая сведения обо всех воспитанниках Оптиной пустыни, выявленных в рассматриваемый период. Сформированный список монашествующих насчитывает 445 человек (можно утверждать, что выявлено подавляющее большинство воспитанников). В среднем воспитанники жили в монастыре 7,03 года, на момент выхода их возраст составлял 37,41 года.

Любопытен состав выходцев из Оптиной по социальному происхождению. Поскольку они представляют собой довольно ощутимую часть всего братства, полученные данные достаточно точно отражают и социальный состав оптинских монашествующих в целом. Среди воспитанников преобладали выходцы из крестьян (34,71%), далее шли выходцы из мещан (23,53%), духовенства (12,65%), дворян (9,71%) и купцов (9,41%). Нам удалось проследить и социальную динамику. В эпоху Николая I среди воспитанников Оптиной пустыни больше всего было выходцев из мещан (31,40%), духовенства (18,60%) и купечества (17,44%). Процент дворян в этот период достигал 12,79% (относительно высокая доля дворян стала одной из характерных особенностей братства), а крестьяне в формулярных списках практически не упоминаются. При Александре II благодаря реформам значительно повысилась мобильность крестьян, что сразу отразилось на составе монашествующих. Выходцы из крестьян вышли на первое место (30,63%), немного им уступали мещане (27,03%). Начиная с 1881 г. Оптина пустынь постепенно становилась крестьянским монастырем. Теперь среди воспитанников 71,17% приходились на крестьян. Мещан было только 15,83%.

Большинство из воспитанников в разное время приходило в обитель из ближайших к ней губерний. Любопытно, что на первое место вышла Орловская губерния (18,75% от тех монашествующих, о ком удалось найти сведения), которой уступила даже Калужская губерния (15,10%), в которой находилась Оптина. Далее следовали другие соседние губернии: Московская (9,90%), Тульская (8,33%) и Курская (7,81%). В целом же разброс регионов был весьма впечатляющим: среди них большинство

губерний Европейской России, в том числе Варшавская, Олонецкая, Пермская, Таврическая.

Удалось выяснить, что динамика выхода насельников из Оптиной пустыни изменялась зигзагообразно, в основном колеблясь в пределах двух-семи человек в год (в среднем около пяти). Периодически (в частности, в 1857, 1872-1877, 1914-1916 гг.) происходили всплески, объясняемые призывом в армию во время войн и уходом целых групп монашествующих в отдельные монастыри. Динамика выхода практически не зависела от изменения численности братства Оптиной пустыни, которое росло достаточно устойчивыми темпами: от 46 человек в 1825 г. до 159 в 1885 г., после чего численность братства менялась мало.

Если рассматривать оптинских воспитанников в момент их выхода из монастыря, эта группа окажется не вполне однородной. Она распадается на две неравные части. Большинство (примерно две трети) составляли послушники и рясофорные монахи, которые не приняли полный постриг: они более свободно перемещались между монастырями и, кроме того, не были свободны от выполнения своих мирских обязательств. Другая часть воспитанников представлена теми, кто прошел постриг. Они чаще перемещались на конкретные должности в другие монастыри, наиболее востребованными из них были иеромонахи (11,24% от общего числа воспитанников), которые воспринимались как готовые опытные кадры из известного монастыря. В этой группе перемещение из монастыря чаще всего объяснялось волей архиереев Калужской или других епархий.

Изучая, куда монашествующие переходили из Оптиной пустыни, мы выяснили, что 11,91% из них возвращались в мир. Некоторым из них требовалось уладить дела в миру, например получить увольнительное свидетельство от своего сословного общества. Другие не выдерживали строгих монастырских порядков или высылались начальством за различные проступки. 18,43% воспитанников (только из числа послушников и рясофорных монахов) уходили служить в армию. Чаще всего их призывали во время войн: в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на службу были взяты 7 человек из Оптиной, во время русско-японской 1904-1905 гг. – 8 человек, во время первой мировой – 67 человек.

В 1850-х – 1860-х гг. ряд послушников и монахов (всего 10 человек) пополнил духовные миссии (Алтайскую, Забайкальскую, Урмийскую, Иерусалимскую). Особенно широкое представительство пришлось на миссию в Иерусалиме, которую в 1863-1865 гг. возглавлял выходец из Оптиной архимандрит Леонид (Кавелин). В конце 1880-х – начале 1890-х трое оптинских воспитанников поступили на учебу в Московскую и Санкт-Петербургскую духовные академии.

Преобладающая часть всех воспитанников (65,39%) переходила в другие монастыри. 57,73% из них оставались в Калужской губернии, пополняя штат всех местных мужских монастырей. Немало людей уходило в соседние губернии, прежде всего в Московскую (13,75%). Встречались оптинские воспитанники и в отдаленных местах, в том числе на Афоне (в конце XIX и в начале XX в.). Анализ последующих перемещений

монашествующих между монастырями (хотя это удалось далеко не во всех случаях) показал дальнейшее расширение географии переходов. После второго и следующих переходов в Калужской губернии оставалось гораздо меньше оптинских воспитанников (32,45%), а большинство (35,76%) приходилось на отдаленные губернии.

Часто выходцы из Оптиной становились настоятелями иных обителей, занимали в них другие высокие должности. Это показывало, что архиереи ценили их и охотно использовали в своих целях. В ряде обителей (прежде всего в большинстве монастырей Калужской губернии) в XIX в. установилась традиция приглашать настоятелей со стороны – из числа оптинских воспитанников. Удалось выявить обители, в которых настоятели из Оптиной непрерывно сменяли друг друга на протяжении многих десятилетий. Например, они управляли Малоярославецким Черноостровским монастырем в 1839-1900 гг., Тихоновой пустыню в 1830-1895 гг., Мещовским Георгиевским монастырем в 1869-1918 гг. Эта традиция ставила такие монастыри в определенную зависимость от Оптиной. Особенно она развилась при Калужском архиепископе Григории (Митькевиче), который за время пребывания на кафедре (1851-1881) 12 раз ставил оптинских воспитанников во главе монастырей.

Частое сосредоточение групп оптинцев в одном монастыре или в миссии было еще одним характерным явлением для всего изучаемого нами периода. Оно объяснялось как желанием церковных властей перенести атмосферу Оптиной пустыни в другие места, так и стремлением самих монашествующих образовывать своеобразные «духовные землячества» вне Оптиной. Мы обнаружили подобные «землячества» в разное время в братстве почти всех обителей Калужской губернии. В частности, в Лихвинском Покровском Добром монастыре в узком промежутке с 1874 по 1876 гг. состояло не менее 14 выходцев из Оптиной пустыни. Сосредоточение оптинских воспитанников наблюдалось и в Киево-Печерской и Троице-Сергиевой лаврах, Курской Коренной Рождество-Богородицкой и Троице-Сергиевой пустынях и т.д. Обычно оно совпадало с настоятельством в данном монастыре выходца из Оптиной, который становился центром притяжения для знакомых ему монашествующих.

Назначаясь настоятелями разных монастырей, оптинские питомцы включались в церковный аппарат управления, который в условиях синодальной системы, когда Церковь функционировала как типовое государственное ведомство, предоставлял возможность быстрых перемещений по службе и карьерного роста. Переходя с места на место, многие выходцы из Оптиной успешно продвигались по карьерной лестнице, становясь благочинными, наместниками лавр, епископами. Через Оптину пустынь в разное время прошли пять архиереев: Кавказский епископ Игнатий (Брянчанинов), Литовский архиепископ Ювеналий (Половцов), митрополит Трифон (Туркестанов), Уфимский епископ Михей (Алексеев), а также Томский епископ Петр (Екатериновский), живший в Оптиной на покое уже в архиерейском сане, а затем вышедший из нее.

Отметим, что этот факт корректирует утверждение И.К. Смолича, писавшего, что через «оптинскую школу» прошел один архиерей⁶⁸.

Многие воспитанники достигали известности, успешно занимаясь миссионерскими, литературными и научными трудами. Среди них следует упомянуть епископа Игнатия (Брянчанинова), архимандрита Леонида (Кавелина), игумена Антония (Бочкова) и др. Привлеченные источники позволили в подробностях восстановить ряд судеб монахов, уточнить множество биографических данных. В частности, удалось восстановить биографию практически неизвестного духовного писателя иеромонаха Арсения (Троепольского) и атрибутировать ряд принадлежащих ему произведений, которые хранятся в ОР РГБ⁶⁹. Это стало логическим продолжением исследований А.М. Пентковского и В.А. Котельникова, обратившихся к данному вопросу в 1990-х⁷⁰. Установить факт авторства удалось благодаря сопоставлению различных автобиографических упоминаний в тексте произведений с делопроизводственными документами Московского университета и нескольких монастырей.

В третьей главе – «Самосознание оптинских воспитанников и их связи» – речь идет о самосознании воспитанников, их отношениях между собой и с родной обителью.

Далеко не все выходцы из монастыря сохраняли связи с Оптиной пустыней и между собой. Некоторые из них действовали совершенно не в русле монастырских традиций, другие вообще порвали с монашеством. Тем не менее благодаря источникам личного характера (прежде всего обширному массиву писем из архива Оптиной пустыни) можно выделить определенное ядро воспитанников, которых отличало сходное самосознание.

Они чувствовали причастность к оптинскому братству, с грустью покидали родную обитель (как правило, в результате назначения на должность в другом монастыре или миссии), а потом часто вспоминали о ней, испытывали ностальгию. Питомцы поддерживали контакты с Оптиной пустыней через переписку: множество писем из разных обителей получали оптинские настоятели, особенно архимандриты Моисей (Путилов) (1825-1862) и Исаакий (Антимонов) (1862-1894). В частности, они активно переписывались со своими братьями, оказавшимися в других обителях. Брат Моисея игумен Антоний (Путилов) вел с ним переписку в 1839-1853 гг., будучи настоятелем Малоярославецкого Черноостровского монастыря. Брат Исаакия архимандрит Мелетий (Антимонов), еkkлесиарх Киево-Печерской лавры, переписывался с ним в 1853-1865 гг. Выходцы из Оптиной приезжали в родную обитель, при возможности оказывали

⁶⁸ Смолич И.К. Указ. соч. С. 309.

⁶⁹ Записки «опытов жизни» // ОР РГБ. Ф. 214. Опт.-411; Сборник выписок и различных записей // Там же. Опт.-449; Учение молитве. Подвижнический сборник, содержащий выписки из святых отцов в 15 частях. Ч. 6 // Там же. Опт.-655; Откровенное послание пустынного отшельника к своему старцу и наставнику во внутренней молитве // Там же. Опт.-715.

⁷⁰ Пентковский А.М. Кто же составил Оптинскую редакцию рассказов странника? // Символ. 1994. № 32. С. 259-278; Котельников В.А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М., 2002.

помощь ее насельникам. В свою очередь, оптинские старцы (особенно первые: иеросхимонахи Лев (Наголкин) и Макарий (Иванов)) регулярно навещали своих духовных детей в монастырях Калужской и других губерний. Существовала и обратная миграция: возвращения в Оптину – в т.ч. монахов, достигших административных высот, – были нередкими. Не менее 22,70% воспитанников со временем вновь приходили в Оптину. Были и случаи, когда попытки возвращения оказывались неудачными.

Многие оптинские воспитанники имели между собой немало общего. Они применяли различные самоназвания, подчеркивая, что восходят к одному духовному отцу – старцу или к одному братству. Популярным было самоназвание «оптинцы». Монахи и послушники группировались друг с другом в одних местах, не только формально сосуществуя в одних стенах, но и поддерживая в своем «землячестве» привычную монастырскую культуру. Неоднозначная ситуация возникла в Тихоновой пустыни при настоятеле игумене Геронтии (Васильеве) (1837-1857), который в литературе изображается как деятельный подвижник. Первое время при нем царил идилия, один из монахов вспоминал: «Дух оптинского благочестия носился и здесь»⁷¹. Однако затем из-за невыносимого характера и подозрительности настоятеля большинство оптинцев вынуждены были уйти из монастыря. Интересно, что шесть человек в 1846-1849 гг. переместились в Киево-Печерскую лавру, сохранив свое «землячество». Оптинские питомцы поддерживали контакты между собой, и живя в разных обителях.

Из конкретных навыков, приобретенных в Оптиной пустыни, у них стабильно прослеживалось тяготение к старчеству. Некоторые из них сами становились старцами или вводили старчество в новых обителях. Одним из новых центров старчества стал Гефсиманский скит при Троице-Сергиевой лавре. Среди первых старцев здесь с 1851 г. были выходцы из Оптиной иеросхимонахи Александр (Стригин) и Феодот (Кольцов). Иеросхимонах Антоний (Медведев) старчествовал в Киево-Печерской лавре в 1855-1880 гг., иеросхимонах Ефрем (Дмитриев) – в Тихоновой пустыни в 1867-1884 гг., схиархимандрит Гавриил (Зырянов) – в Казанской и Псковской епархиях в начале XX в. Уже после 1917 г. как старцы прославились архимандрит Георгий (Лавров), схиархимандриты Амвросий (Иванов) и Севастиан (Фомин). Другой объединяющей чертой была привычка к строгому общежительному уставу. Старец Амвросий шутил, что «оптинских монахов везде узнают по мухояру и по сапогам; все они на прямую колодку»⁷². Из писем некоторых монахов видно, что в других монастырях они встретили совершенно иные, более либеральные условия, менее продолжительное богослужение, и это вызывало сильное разочарование.

Сам выход из монастыря с точки зрения церковных правил, а также по мнению оптинских настоятелей и старцев, был негативным явлением.

⁷¹ Леонтий [(Желяев)], архимандрит. Указ. соч. Л. 38 об.

⁷² [Ераст (Вытропский), иеромонах]. Указ. соч. С. 110.

Из их поучений на эту тему наиболее известен принцип: «Монаху – три выхода: в храм, в келью и в могилу»⁷³. Монахов и послушников предостерегали от самовольных переходов между обителями и даже от временных отлучек. Естественно, больше всего осуждалось (и каралось государством) самовольное возвращение к мирской жизни. Вместе с тем перемещения по воле церковных или светских властей, назначения на определенные должности воспринимались как вынужденная необходимость, и здесь на первый план выходила самоценность послушания.

В Оптиной пустыни без энтузиазма относились к утечке лучших монахов, но одновременно внимательно и сочувственно следили за жизнью воспитанников, гордились их успехами. В летописи Иоанно-Предтеченского скита отмечались важные события, связанные с оптинскими воспитанниками, а список вышедших из скита настоятелей различных монастырей можно обнаружить в рукописи под названием «Наглядная летопись иерархии оптинского скита»⁷⁴.

Что касается взгляда со стороны, то оптинские питомцы изначально пользовались в обществе, в других монастырях высокой репутацией, которой были обязаны знаменитости монастыря. Многие из них в дальнейшем укрепляли свой авторитет и авторитет своей «духовной родины». Поездки, перемещения монахов и послушников, их труды на новом месте развивали отношения Оптиной пустыни с другими монастырями, епархиями, миссиями, конкретными людьми. Деятельность оптинских воспитанников расширяла связи монастыря с внешним миром и представляла собой важное звено в системе монастырской культуры.

В Заключении подводятся основные итоги исследования, суммируются главные выводы.

В братстве любого монастыря происходит постоянная ротация. Монахи и послушники приходят и уходят по самым разным причинам. Однако до сих пор не проводилось исследований, посвященных выходцам из одной обители. Конечно, далеко не с каждым монастырем это исследование привело бы к серьезным результатам, во многих случаях оно дало бы лишь сборник биографий некоторых, почти не связанных друг с другом монахов. Но в случае с Оптиной пустыней это исследование имеет смысл. Во-первых, существуют источники, которые позволяют почти полностью охватить категорию воспитанников и проводить самый широкий просопографический анализ этой группы. Во-вторых, в данном случае можно говорить не просто о естественном процессе выхода из монастыря, но и о важном элементе в развитой системе связей Оптиной пустыни с внешним миром. Здесь можно провести параллель с Троице-Сергиевой лаврой, многие выходцы из которой также занимали видные места в самых разных сферах.

⁷³ См., например: Нилус С.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 105.

⁷⁴ Наглядная летопись иерархии оптинского скита // ОР РГБ. Ф. 214. Опт-67. Л. 21-21 об.

Воспитанники Оптиной пустыни, вышедшие из монастыря в 1825-1917 гг., представляют собой большую (не менее 445 человек), не вполне однородную группу монашествующих. Она распадается на две основные части. Большинство составляли послушники и рясофорные монахи, которые не приняли полный постриг: они могли призываться на военную службу, увольняться для выполнения своих обязательств в миру. Кроме того, они как менее опытные люди нередко не выдерживали порядков Оптиной пустыни и по своей воле уходили в мир или в другие обители. Другая часть воспитанников представлена теми, кто прошел постриг. Они гораздо чаще перемещались на конкретные должности в другие монастыри по воле архиереев, наиболее востребованными из них были иеромонахи. Львиная доля всех воспитанников после первого выхода из Оптиной оставалась в Калужской епархии, пополняя штат всех местных мужских монастырей. Немало людей уходило в соседние епархии, прежде всего в Московскую. Встречались оптинские воспитанники и в отдаленных местах, в том числе на Афоне. Ряд послушников и монахов вызывался в духовные миссии (больше всех – в Иерусалимскую).

Удалось выяснить, что выход насельников из Оптиной пустыни хронологически мало изменялся, в основном колеблясь в пределах двух–семи человек в год. Периодически происходили всплески, объясняемые призывом в армию во время войн и уходом целых групп монашествующих в отдельные монастыри. Частое сосредоточение групп оптинцев в одном месте было характерным явлением для всего изучаемого нами периода. В ряде обителей в XIX в. архиереи установили традицию приглашать настоятелей (а также монахов на другие крупные должности) только из Оптиной пустыни.

Монашествующие расширяли авторитет и влияние родной обители, помогали ей устанавливать новые связи. Они привлекали внимание архиереев и мирян, их охотно приглашали в монастыри. Некоторые из них достигли больших высот на службе, в литературной и научной деятельности. Для многих выходцев из Оптиной даже кратковременное пребывание в этой обители становилось важнейшим этапом, о котором они с благодарностью вспоминали.

Диссертацию завершает **Приложение**, в котором представлен материал созданной автором базы данных – биобиблиографический указатель воспитанников Оптиной пустыни за 1825-1917 гг.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. *Запальский Г.М.* Система внешних связей монастыря (на примере Оптиной пустыни в XIX – начале XX века) // Первые открытые исторические чтения «Молодая наука». Сборник статей. М., 2003. С. 58-65.
2. *Запальский Г.М.* Воспитанники Оптиной пустыни в культурно-общественной жизни России (XIX – начало XX века) // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2003». История. М., 2003. С. 39-43.
3. *Запальский Г.М.* Гавриил (Спасский), иеросхимонах Оптинский, Белокопытовский // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 228.
4. *Запальский Г.М., Липаков Е.В.* Григорий (Митькевич), архиепископ Калужский и Боровский // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12. С. 577-579.
5. *Запальский Г.М.* Политическая история России второй половины XIX – начала XX вв. в восприятии монахов Оптиной пустыни // XVI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. М., 2006. Т. 1. С. 102-107.
6. *Запальский Г.М.* Социальный портрет воспитанников Оптиной пустыни (1825–1917) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2007. № 1. С. 77-99.